

*Моим читателям,
оставшимся до конца трилогии
и приготовившим ведро для слез*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Коалиция южан и ее союзники

Фан Рунин — сирота войны из провинции Петух, бывший командир цыке, последняя оставшаяся в живых спирка

Чен Катай — сын бывшего министра обороны империи, единственный наследник семьи Чен, якорный близнец Рин

Шрин Венка — лучница из Синегарда, дочь бывшего министра финансов империи

Лиу Гужубай — наместник провинции Обезьяна, блестящий политик

Ма Льен — главарь бандитов, входящий в руководство Коалиции южан

Лиу Дай — один из руководителей южан, давнишний союзник Гужубая

Ян Суцзы — лидер бойцов сопротивления из провинции Петух, командир Железных волков

Цюань Чолан — молодой наместник провинции Собака, назначен недавно

Чян Муг — королева пиратов Анхилууна, она же Каменная стерва и Лживая вдова

Семья Инь

Инь Вайшра — наместник провинции Дракон, глава Республики Никан

Инь Саихара — правительница Арлонга и жена Иня Вайшры

- Инь Цзиньчжа — старший сын наместника провинции Дракон, маршал республиканской армии, убит Су Дацзы *
- Инь Мучжа — сестра-близнец Цзиньчжи, единственная дочь Вайшры
- Инь Нэчжа — второй сын наместника провинции Дракон
- Инь Минчжа — третий сын наместника провинции Дракон, убит драконом Арлонга в детстве *

Триумвират

- Су Дацзы — бывшая императрица Никана, она же Гадюка, призывает богиню-улитку Ньюву
- Цзян Цзыя — Страж, призывает чудовищ из императорского зверинца
- Инь Жига — Дракон-император, считается погибшим в конце Второй опиумной войны

Гесперианцы

- Генерал Жозефус Таркет — командующий войсками Гесперии в Никане
- Сестра Петра Игнатиус — представительница Серой гильдии (гесперианского религиозного ордена) в Никане, один из самых блестящих ученых своего поколения

Цыке

- Алтан Тренсин — спирец, бывший командир цыке *
- Рамса — бывший узник тюрьмы в Бахре, эксперт по боеприпасам *
- Бацзы — шаман, призывающий неизвестного бога, который наделяет его громадной силой *
- Сунь — шаман, призывающий бога-Обезьяну *
- Чахан Сурен — шаман из клана Наймад, брат-близнец Кары
- Кара Сурен — меткий стрелок, заклинательница птиц и сестра-близнец Чахана *
- Арша — шаман, призывающий речного бога *

* Покойные.

Пролог

— Не стоит этого делать, — сказала Дацзы. Костер полыхнул странным пурпурным цветом, заискрил и зашипел с укоризной, словно чувствовал ее вину. Языки пламени взметнулись жадными руками и превратились в мерцающие лица, которые даже спустя несколько месяцев вызывали у Дацзы стыд и боль в груди. Она отвернулась.

Но мертвецы навеки запечатлелись под ее веками, их возмущенно разинутые рты винили ее в предательстве. В голове отдавался эхом их шепот, и каждую ночь они шептали в ее снах.

Убийца, говорили они. Неблагодарная. Шлюха.

Грудь Дацзы сковал страх.

— Жига, вряд ли...

— Слишком поздно что-либо менять, милая.

По другую сторону от костра Жига с присущей ему безжалостной четкостью душил вырывающегося оленя. Он уже приготовил три разделочных ножа, снятых с трупов лучников из клана Кетрейдов, и разложил их вокруг костра идеальным треугольником. К своему ножу Дацзы не притронулась. Она была слишком напугана — блестящий металл выглядел ядовитым, жутковатым.

— Пути назад уже нет, — сказал Жига.

Олень выгнул шею, пытаясь освободиться. Жига схватил его за рога рукой и треснул головой о землю.

Пламя взметнулось выше, шепоты усилились. Дацзы вздрогнула.

— Мне кажется, это неправильно.

Жига фыркнул.

— И давно ты стала такой трусихой?

— Я просто беспокоюсь. Тсевери сказала...

— Какая разница, что она там сказала? — ошетинился Жига, явно защищаясь.

Дацзы знала, что ему тоже стыдно. Знала — в глубине души он жалеет, что встал на этот путь. Но никогда в этом не признается. Иначе будет просто сломлен.

Прижав оленью шею коленом, Жига связал его передние ноги веревкой. Олень открыл пасть, словно для крика, но раздался лишь хриплый и жуткий скрежет.

— Тсевери вечно несет всякую чушь. Какие-то пророчества... Не верь этой болтовне. Она говорила лишь то, что хотела нам втолковать Сорган Шира.

— Она сказала, что мы можем из-за этого погибнуть, — напомнила Дацзы.

— Не совсем так.

— Но близко.

— Ох, Дацзы.

Жига суровым рывком затянул последний узел, бросил секундный взгляд на результат своей работы и переместился ближе к Дацзы. Мягкими кругами погладил ей спину. Он хотел успокоить, но Дацзы чувствовала себя в западне.

— Неужели я могу допустить, чтобы с тобой случилось несчастье? — сказал он.

Дацзы с трудом удавалось дышать ровно.

Делай, что он говорит, напомнила она себе. Такой у них договор с Цзыей. Не поднимай головы и подчиняйся, иначе Жига найдет способ от тебя избавиться. Она должна радоваться предстоящему ритуалу. Эта защита — твердая гарантия того, что Жига не убьет ее, иначе умрет сам. Это щит и для нее, и для Цзыи.

Но она все равно боялась. А если это будет хуже смерти? Она собралась с духом:

— Должен же быть какой-то другой способ...

— Его нет, — отрезал Жига. — Так мы долго не протянем. Война стала слишком серьезной. Врагов слишком много. — Он помахал ножом в сторону леса. — А если Цзя будет так себя вести, он и дня не протянет.

«Не протянет, потому что ты его оттолкнул», — хотелось огрызнуться Дацзы. Но она сдержалась из страха вызвать приступ его гнева. Его жестокости.

У нее не было другого выбора. Дацзы давным-давно поняла, что должна стать незаменимой для Жиги, если хочет жить спокойно. Скованной с ним, его якорем, на котором держится сама его жизнь.

— Эй, Цзя! — позвал Жига, приложив ладони ко рту. — Давай покончим с этим.

Лес остался тих.

— Цзя! — повысил голос Жига. — Я знаю, что ты там.

Может, он сбежал, подумала Дацзы. Мерзавец умен.

Она задумалась о том, что сделает Жига, если Цзя и впрямь ударит. Конечно же, погонится за ним и, скорее всего, схватит — Жига всегда был самым сильным и быстрым из их троицы. Наказание будет чудовищным. Но Дацзы смогла бы несколько минут сдерживать Жигу, оттянуть время, и даже если это будет стоить ей жизни, хотя бы один из них спасется.

Однако через несколько секунд Цзя вышел из леса, спотыкаясь, как пьяный. У него был затуманенный, безумный взгляд, который Дацзы так часто видела в последнее время, что уже привыкла. Она знала, что это предвещает опасность. И втихую потянулась к ножу.

Жига встал и пошел навстречу Цзые, как дрессировщик к тигру, осторожно раскинув руки.

— Ну, как ты?

— Как я? — наклонил голову Цзя. — О чем это ты?

Дацзы заметила, как запульсировала вена на шее Жиги.

— Может, присядешь? — спросил Жига.

Цзыя покачал головой и хихикнул.

— Что тут смешного? — рявкнул Жига. — Идем, Цзыя.

— Цзыя? — Цзыя закатил глаза к небу. — А кто это?

Жига потянулся к мечу. Дацзы подняла нож. Они ведь к этому готовились, все втроем, и с согласия Цзыи. Нужно нанести удар, прежде чем откроются ворота...

Лицо Цзыи исказила кошмарная ухмылка:

— Шучу.

Жига расслабился.

— Да чтоб тебя!

Дацзы выдохнула и попыталась утихомирить бешено колотящееся сердце. Цзыя сел перед костром, скрестив ноги. Взгляд небрежно скользнул по связанному оленю.

— Совсем как ручной, да?

Он взял с земли свой нож и поиграл с ним перед оленем. На зазубренном лезвии сверкнуло пламя. Олень лежал неподвижно. Как будто мертвый, если бы не тяжелое хриплое дыхание.

— Дацзы проглотила шарик опиума, — сказал Жига.

— Ясно. — Цзыя подмигнул ей: — Вот и умница.

Дацзы страстно желала, чтобы наркотик подействовал быстрее. Чтобы Жига дал ей время. Но это требует сострадания, которым он уж точно не обладал.

— А ты оживилась, Дацзы, — сказал Жига, покачав перед ней ножом. — Давай не будем затягивать.

Дацзы замерла. На краткий миг она подумывала сбегать. У нее задрожали колени.

Нет. Пути для отступления нет. Ей придется это сделать, если не ради себя, то ради Цзыи.

Он обожает дурацкие шутки. Не способен ничего принять всерьез, даже безумие, возможно, ожидающее впереди, его лишь забавляет. Но ее страх и страх Жиги — реальны. Цзыя месяцами балансировал на границе здравого рассудка и безумия, и они не знали, когда он рухнет в бездну навеки. Лишь этот шаг мог его вернуть.

Только вот это дорого им обойдется.

— Поднимите ножи, — скомандовал Жига.

Они подчинились. Олень смиренно лежал под блестящими клинками, его остекленевшие глаза были открыты.

Жига заговорил. С каждым словом заклинания, с каждой ложью, зверством и убийством, которые они совершили, пламя поднималось все выше и выше, пока не взметнулось выше человеческого роста, прямо в ночное небо. Когда эти слова произносила Тсевери, они звучали музыкой. С языка Жиги они слетали проклятиями. Дацзы крепко зажмурилась, стараясь заглушить крики в голове.

Жига завершил песнопения. Ничего не изменилось.

Они долго сидели у костра, в растущем смятении, пока тишину не прервал хохот Цзыи.

— Да что с тобой творится? — огрызнулся Жига.

— Ты произнес все неправильно, — сказал Цзыя.

— Это еще что значит?

— Твой акцент. Ничего не выйдет, если так исказить слова.

— Тогда говори ты.

И Жига выплюнул еще несколько непонятных слов.

Мугенских слов, грязного говора, которому он научился в детстве. «Любитель кобыл».

— Я не знаю слова, — ответил Цзыя.

— Нет, знаешь. — В голос Жиги вкрались угрожающие нотки. — Она же научила тебя первым.

Цзыя оцепенел.

«Не надо, не делай этого, — подумала Дацзы. — Давай уьем его и сбежим».

Цзыя начал произносить заклинание. Его голос постепенно изменился — от хриплого шепота до крика, мощного и ясного. На этот раз слова звучали ближе к тому, как говорила их Тсевери. На этот раз они имели силу.

— Пора, — прошептал Жига, и они занесли ножи, чтобы принести невинную жертву.

Когда все закончилось, они вернулись из бездны обратно в материальные тела, словно их окатили ледяной водой. Дацзы дернулась, тяжело дыша. Земля под ногами была такой прочной, воздух таким свежим. Все в мире было

столь знакомым, но странным — крепким, прекрасным и загадочным. Внутри у Дацзы все горело, вибрировало чистой энергией, так что тело изгибалось дугой.

Она никогда еще не чувствовала себя такой живой. Теперь у нее три души вместо одной, теперь она стала целой, стала чем-то гораздо большим, чем была.

Они еще не полностью вернулись из мира духов. Их связь еще не закреплена. Дацзы читала души Цзыи и Жиги, их мысли обрушивались на ее разум и звучали так громко, что трудно было отделить от собственных.

Она чувствовала холодный и чистый страх Цзыи вместе с громадным облегчением. Цзыя этого не хотел. Никогда не хотел. Был страшно напуган тем, в кого может превратиться, но и радовался тому, что спасся от грозящего в противном случае. Он был рад, что теперь связан.

Жига излучал ликование и головокружительный поток честолюбивых желаний. Жаждал получить еще больше. Даже не обращал внимания на исходящий от Цзыи панический страх. Он грезил лишь о великом. Представлял их на поле боя, за столом переговоров, на трех тронах.

Для Жиги ритуал был лишь последним препятствием. Теперь они смотрят в будущее, которое он всегда для них воображал.

Дацзы тоже этого хотела. Просто не была уверена, что выживет.

Она медленно открыла глаза. Покрывающая руки кровь в лунном свете выглядела черной. Костер почти догорел, но собирался удушливый дым. Дацзы чуть не упала на головешки, чуть не рухнула лицом в пепел, чтобы положить всему этому конец.

Сильные пальцы схватили ее за плечо и оттащили назад.

— Осторожней, — усмехнулся Жига.

Дацзы не разделяла его эйфории.

Много лет спустя, терзая себя воспоминаниями о том, как все начиналось для них троих, прежде чем пошло наперекосяк, она никак не могла припомнить, что чувство-

ПЫЛАЮЩИЙ БОГ

вала, когда они впервые связали друг друга якорями. Не помнила ни восторга от обретенной силы, ни пугающего, но восхитительного чувства признания. Лишь густой и холодный страх, только в нем она была уверена, она боялась, что они заплатят за украденные секреты кровью.

И Тсевери. Дацзы всегда мысленно представляла искаженное лицо мертвой девушки и ясно слышала ее последнее предупреждение — до того как Цзя вырвал сердце из ее груди.

«Послушайте мое пророчество, — сказала она. — Один из вас умрет. Один будет править. А третий уснет навеки».